

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Довжик. Василий Владимирович Быков

Могилы, могилы...

По обе стороны узкой, посыпанной гравием дорожки тянулись многочисленные ряды могил городского кладбища. Еще недавно здесь были сельхозугодья пригородного совхоза, выращивали картошку, капусту, ранние овощи. Но рос город – разрастались и городские кладбища. И вот оно – скопище плотно теснящихся могильных выгородок – из уголка, дерева, добытого со строек арматурного железа. Почти все – с неперменной стелой, выполненной в популярной форме морского паруса, но лишь отдаленно напоминающей таковой. Крестов на захоронениях советской эпохи почти не видать, разве где-нибудь на верхушке каменной стелы процарапан и обведен черным тоненький православный крестик. Некоторые памятники украшены небольшими, с ладонь, овальными фотографиями на фарфоре, переснятыми с молодых фотографий усопших, улыбающиеся лица которых слабо соотносятся с данным местом их бытования.

Неподалеку от центрального входа вдоль дорожки высился недлинный ряд одинаковых "парусов", с красными звездами на верхушках и увеличенными портретами молодых людей на лицевых сторонах стел. Это – афганцы, все в лихо заломленных на ухо беретах, полосатых тельняшках на распахнутой груди. А двое даже с неперменным другом боевой поры – автоматом Калашникова в цепко сжатых спецназовских руках. Некоторые беспечно улыбаются, по-видимому, еще не догадываясь, что по прошествии недолгого времени суждено им превратиться из храбрых победителей "духов" в банальные издержки живучей идеологии братской помощи.

А через дорогу, напротив – иная группа памятников, побогаче и впечатлительнее, – массивные монолиты, преимущественно из черного полированного базальта, с поясными портретами парней в красиво лоснящейся на зеркальных плоскостях коже и надписями определенного толка. "Твой успех обмываем без тебя, Бобок", "Косой, мы отомстили", "Жди меня, лапка, и я вернусь. Твоя Разявка", – значит на полированных боках монументов, обнесенных тяжелыми цепями с медными шарами по углам. Это – издержки короткой и бурной эпохи начального перераспределения капиталов.

Макаревич медленно шел по дорожке, умиротворенно созерцая материальные плоды человеческой тщеты, лениво предаваясь печальным размышлениям о бренности земного. А равно – о загадочности потустороннего, когда тело остается на этом вот бывшем совхозном поле, а душа отлетает куда-то. Но куда? – вопрос, на который человечество так и не нашло убедительного ответа за все века своего существования. Видно, очень жесткое табу лежит на этой загадке, разгадать которую не дано. И Макаревич думал, что вполне может статься, что до сих пор не разгаданного просто не существует, и всякая человеческая жизнь банальным образом и заканчивается на таком вот кладбище. Разве проживет недолго в памяти двух-трех поколений близких и уйдет в небытие. Навсегда и безвозвратно. Так стоит ли тщиться с памятниками, стелами и выгородками? К тому же, согласно коммунальным законам, кладбища лет через пятьдесят ликвидируются, чтобы опять превратиться в территорию под очередную новостройку или стадион для футболистов, продолжал размышлять Макаревич, углубляясь в кладбищенские дебри. Он искал нужную ему могилу, место которой запомнил плохо, да и топография местности очень изменилась за полтора десятка лет, какие он здесь не был. Помнится, хоронили зимой, могила утопала в глубоком снегу, дул холодный морозный ветер, они все промерзли, пока говорили речи, и, поспешно забросав могилу комьями мерзлой земли, побежали в поджидавший их на дороге автобус.

С тех пор он здесь не был.

И видно, зря не был. Все-таки, пока жив, на кладбище, как и в церкви, надобно бывать чаще и вовсе не ради покойников или Господа Бога – для себя. По существу, как и покойники, ты тоже в большей степени принадлежишь прошлому, куда, за неимением будущего, рано или поздно вернешься из своего суетного, неуловимого настоящего, которого, вполне возможно, тоже не существует. Вместо него – сплошные иллюзии, стремительные ласточки, проносящиеся в сумеречном потоке сознания. То ли дело – твое хорошее или плохое прошлое, лежащее в душе каменной глыбой, над которым никто не властен – ни природа, ни закон, ни начальство.

Глядя на скопище разноликих могил и надгробий, необыкновенно стесненных даже на этом просторном кладбище, Макаревич думал: и тут теснота, и тут нет свободы. Мало ее было при жизни, не стало больше и на кладбище. Может, она людям и не нужна? Может, их влечет лишь сладостный процесс борьбы за свободу, достигнув которой, они тут же начинают строить из нее клетку в виде фашизма, тоталитаризма, тюрьмы и армии. Свобода становится уделом только бомжей, которые

от нее также не всегда в восторге.

Макаревич прошел десятка два могильных рядов, скользя рассеянным взглядом по кладбищенскому разнообразию. Или однообразию, что на кладбище, пожалуй, одно и то же. Местами между могилами видны были люди, преимущественно женщины, – убирали, обустривали, украшали последние пристанища близких. Скорбный, но и благородный труд – без расчета на вознаграждение, от чистого сердца. Оттого, наверно, некоторые могилки из тех, что поближе к дорожке, выглядели так празднично прибранными, чистенькими, с цветочками за оградкой, свежеекрашенной в темные тона. На мраморе то тут, то там торжественно отливали золотом подведенные надписи – дорогому такому-то от любящей вдовы и детей... От преданного коллектива сотрудников... На высоком угловом, несколько шире, чем обычно, "парусе" матово светился тройной портрет похороненных – взрослый и две детские головки. Макаревич горестно отвел взгляд, скорее всего – трагические жертвы дорог, неизбежная плата за запоздалую автомобилизацию, в которую бросились люди, не обеспеченные ни безопасной техникой, ни хорошими дорогами. Иначе почему у нас, где количество автомобилей в десять раз меньше, чем в штатах, смертность на дорогах в два раза выше?

Слава Богу, его покойник умер в собственной постели, окруженный любящей семьей, преданными сотрудниками по институту, которым он руководил много лет. Не обойденный также вниманием властей, регулярно награждавших его и поставивших скромный, но в общем приличный памятник из популярной мраморной крошки. Дальнзоркий Макаревич еще с дороги увидел его широкое, улыбающееся со стелы лицо и, обрадовавшись словно живому, свернул по проходу.

– Ну, привет, Алексей Иванович, давно не виделись, – пробормотал он и остановился, положив руки на пыльную поперечину ограды.

Последнее с ним свидание хорошо помнил – сам валялся в больнице с третьим инфарктом. В те годы инфаркты лечили тщательно и долго, неделями не позволяя подниматься с постели, что в общем было довольно тягостно. Поначалу эта тягостность разряжалась частым посещением родных и знакомых, но со временем эти посещения редели. В один из таких тягостных дней к вечеру в палату, где лежал Макаревич, явился оживленный, румяный с мороза Алексей Иванович. Долго не мешкая, выложил на тумбочку пяток апельсинов, кусок колбасы, извлек из целлофанового пакета заветную бутылочку с аистом. "Ну ты как? Ничего? Поправляешься? Ну и хорошо. А как насчет этого? Нет? Ну нет, так нет. Тогда я за твоё здоровычко. Чтоб скорее это самое... А то там студенты соскучились: зачеты все-таки..." – возбужденно говорил он, не очень дожидаясь ответа.

Натренированной за долгую руководящую жизнь, твердой рукой он плеснул в стакан ровно сто грамм – не больше, и выпил. Выпив, вроде бы посерьезнел, успокоился, стал рассказывать об институтских делах, проблемах со снабжением, завале финансирования на третий квартал. Макаревич рассеянно слушал, с завистью думая о его ключом бьющей энергии, деловитости и здоровье, чего давно уже сам не имел. Откуда ему было знать, что спустя ровно неделю, в день его выписки из больницы, Алексея Ивановича сразу первый и последний в его жизни инфаркт, и его придется хоронить на этом вот утопавшем в снегу пригорке.

Памятник в общем был не хуже других, но вот об ухоженности могилы нечего было и говорить, видно, с весны никто не появлялся. Какие-то мелкие цветочки по краям бетонной цветочницы безнадежно поникли на сухой земле, из которой тянулись вверх сорняки. Когда-то красные, гвоздики в пыльной стеклянной банке превратились в сухой колючий гербарий. Макаревич отогнул на калитке конец проржавевшей проволоки и вошел в ограду. Повесив на угловой столбик пиджак, повидал сорную траву из цветника, вытряхнул в угол сухие гвоздики из разбитой банки. Надо было протереть каменный фасад памятника, от пыли давно ставший матовым, полить оставшиеся цветочки, может, они бы и ожили. Вода находилась далеко, у входа на кладбище, а у него не было посуды, и он пошарил окрест глазами в поисках кого-либо поблизости.

Невдалеке, чуть ниже по склону, возле трех одинаковых обелисков возились пожилая женщина с девочкой, – обе, сидя на корточках, что-то сажали в цветочнице, и он пошел к ним.

– Здравствуйте, – поздоровался Макаревич, подходя к женщине.

Та обернулась, выпрямилась, ухватясь обеими руками за натруженную поясницу. Это была седенькая бабуля с добрым лицом. Слегка распевно она ответила на его приветствие.

– Мне ведерочко на минуту не одолжите? Я тут вон – поблизости, – сказал он, уже увидев возле ее сильно налитых полнотой ног пластмассовое ведерко.

– Ну почему же! Если надо, возьмите. Вы же не насовсем, принесете...

Лет семи девочка в цветастом сарафанчике и белой панамке тут же вспорхнула от рассады и по-детски доверительно сообщила:

– А наш дедушка скоро придет, принесет георгины и флоксы, мы будем сажать.

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

- Это хорошо - сажать флоксы, - сказал Макаревич и с ведрком в руке пошел с пригорка.

Охваченный конкретной заботой, он утратил охоту рассуждать о бренности земного, сентиментальное чувство отлетело, надо было что-то делать. Навстречу ему шли люди - женщины с детьми, старушки с кошелками в руках, некоторые несли ведерки и лопатки. Проковылял высокий худой инвалид на протезе, с палочкой в руке. Кончался рабочий день, из города прибыл несчастый на этом маршруте автобус, люди вспомнили о своем долге перед умершими.

Возле трубы с краном, для удобства пристроенной на деревянных козелках, он наполнил ведро и неторопливо понес его к могиле Алексея Ивановича. Поливая из пригоршней, обмыл фасад памятника, отчего лицо покойника словно проявилось из пыли, обрело четкость и свежесть. Оставшейся водой побрызгал на цветочницу с заморенными цветками - может, оживут. Все-таки было печально, что из немалой семьи покойника так никто и не собрался за лето на эту могилку. Некогда? Наверняка некогда, но все-таки... Он тоже собрался первый раз за пятнадцать лет - негусто. Но вот сделал небольшое дело, и стало как-то облегченнее на душе - словно для живого. Для какого-то его удобства. Хотя покойнику уже ничего не надо, значит, для себя это, для собственного удовлетворения. Странное все же чувство, привередливая потребность души. Какой в том смысл? А какой вообще смысл в жизни?

Впрочем, наверно, напрасно искать смысл там, где его, по-видимому, никогда не было. Не по своей воле появился на свет и живешь не по своей воле. А придет пора уходить - катастрофа. Вроде, несправедливость какая. А ведь давно и справедливо сказано: ничто не вечно под луной. Все, что имеет начало, должно иметь и конец. Иначе и быть не может. Очень гармонично, справедливо и вполне демократично. Вечно жить невозможно, но при наших порядках нашлись бы исключения. Для начальства, для депутатов. Само собой - для коррупционеров, за деньги. Нет уж, лучше пусть будет, как есть. Отбыл свой черед на земле и уходи. Уступи место другому.

Недолго отдохнув, облокотясь на оградку, он надел пиджак, поднял ведро.

- Ну пока, Алеша, до следующего. Здесь или там, - сказал он, сразу ощутив пронзительную жалость к себе, вспомнив кладбищенское "Я уже дома, а ты еще в гостях".

Отнесся ведро, поставил его возле черной, свежеекрашенной оградки, за которой выселись три одинаковых обелиска, каждый с крохотной клумбочкой у подножья, уже с высаженной цветочной рассадой. Бабуся с готовностью поднялась навстречу и тотчас, видно, с усталости опустилась на скамейку у оградки.

- Вот, спасибо, прибрал и полил...

Прежде, чем уйти, бегло скользнул взглядом по обелискам - на первом были две фамилии с именами и датами, на втором - та же, одна, а третий белел чистым, подготовленным к надписи квадратом. Фамилии привлекли его внимание. Довжик. Откуда-то, может, из глубины подсознания, вынырнула забытая фраза, и он произнес:

- Довжик из Малых Довжиков?

- Ага, Довжики мы. Не здешние, это из-под Полоцка. Тут мы после войны, как брат пришел из армии и начал на тракторном работать, - словоохотливо заговорила бабуся.

- Довжик из Малых Довжиков, - повторил он.

- Здесь кто? Муж ваш?

- Нет, это дедушка. И бабушка. Знаете, они в один год померли. Тут уже, на тракторном.

- А тут тетя Настя похоронена, - охотно сообщила девочка, указывая на средний обелиск, где лаконично значилось: "Довжик Анастасия Ивановна. 1936-1967", - она на самолете погибла.

- На самолете?

Бабуся принялась рассказывать, как невестка полетела по туристской путевке в Чехословакию и погибла со всеми вместе, привезли запечатанную урну... Рассеянно слушая ее, Макаревич глядел неотрывно на третий обелиск с девственно чистой табличкой и боялся спросить. Но спросить все-таки пришлось.

- А что там? Или никто не похоронен?

Бабуся подобрала под передник натруженные руки и едва слышно сказала:

- Никто.

Кажется, он понял. Так иногда делают особо запасливые - обустроивают участок, ставят памятник с обозначением фамилии, датой рождения и двумя цифрами роковой даты, последние оставляя на потом.

- Тут для себя оставила и для братца Володи.

- А что брат? жив?

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

- Пропал. На войне. Писали - нигде нет: ни в списках убитых, ни в списках пропавших без вести. Может, найдется...

- Володя?

- встревоженно спросил Макаревич.

- Володя Довжик?

- Ну. Двадцать годков было парню.

- А где пропал? На фронте, в партизанах?

- В партизанах, ага. В сорок втором году. Пошел и пропал. Писали в архив и командирам - никто не знает, нигде не числится. Может, в плен попал, может, еще что... Может, вы где встречали?

- со вспыхнувшей в глазах надеждой спросила бабуся, наверно, почувствовав охватившее его волнение.

- Я? Да нет, нет...

Он сдержанно простился и пошел между рядами к дорожке. Его волнение медленно перерастало в гневное возбуждение, и он тихо сам себе говорил: "Сволочи! Надо же... Даже из списков вымарали. Или не занесли. В жмурки играют..."

Поначалу он готов был усомниться, не сразу поверив своей догадке все-таки прошло столько лет. Но вот подкорка, подсознание услужили на удивление точно. И что там только хранится, какие происходят процессы в его стареющей голове?.. Он давно уже забыл эту фамилию, если бы потребовалось вспомнить, вряд ли бы вспомнил. А тут рефлексивно, будто выстрелил кто-то, как увидел на обелиске давно забытую фамилию, моментально выскочила вся знакомая фраза: "Довжик из Малых Довжиков"... Конечно, он знал и пропавшего Володю, и его село, - ночью ходили через него на железку. Знал, как и многих других и оставшихся в живых партизан, и погибших, с которыми довелось когда-то делить хлеб, жизнь и не пришлось разделить смерть. Это теперь годами работаешь рядом, в одной организации, и толком не знаешь человека. Или живешь двадцать лет в одном доме и лишь здороваешься при случайной встрече в подъезде. Там все было иначе, время там текло по иным, особенным законам. С этим Довжиком он провел вместе всего два дня, а вот запомнил, как оказалось, на всю оставшуюся жизнь. И не по собственной воле - может, вопреки ей.

Мокрой туманной ночью девятнадцатилетний партизан Макаревич стоял на посту в ближнем охранении и сменился лишь на рассвете. Утром его не сразу разбудили, он запоздал с завтраком и не успел доесть остывшее в котелке хлебово, как послышалась команда на построение. Хватая оружие и вещички, в шалашах засуетились партизаны их "непобедимого и непромокаемого" отряда имени "надцатого съезда ВЛКСМ", неласково матерясь про себя по поводу входивших в отряде в моду неурочных построений. Действительно, с некоторых пор они почти ежедневно строились - для смотров, политбесед, но больше для суровых накачек нового, не всегда трезвого командира отряда. Прежний командир был не такой, но прежний месяц назад погиб. Возвращаясь с разведгруппой из другого отряда, наткнулся на полицейскую засаду, их обстреляли, и шальная пуля, выпущенная в ночь наугад, сразила его. Все остальные вернулись живы-здоровы, а командира на другой день закопали. Скоро, однако, явился новый - где-то и кем-то назначенный, в отряде никому не знакомый. Партизаны, еще не успевшие пережить гибель прежнего, организовавшего этот отряд и год провоевавшего с ним, встретили нового молча и настороженно. Наверно, командир почувствовал это и затаил обиду.

Для начала он расстрелял перед строем начальника снабжения, бывшего бухгалтера сельпо. Но того, может, и стоило расстрелять за его темные делишки с местной полицией, а главное, за пьянство и наплевательское отношение к партизанскому пищевому довольствию. Затем, после ночной фальштревоги, командир собственноручно избил ротного Савчука, который вроде бы не выполнил его приказа об усилении бдительности - вместо шести ночных дозоров выставил четыре, пожалел партизан. Командир был помешан на усилении бдительности и даже в пуще, где отряд размещался прежде и где на двадцать километров вокруг не было ни одного живого человека, окружал себя тройной цепью охраны. Но для столь высокой бдительности требовались люди, и партизаны весьма скромного по количеству отряда изнемогали от непомерной тяжести караульной службы. Каждую ночь несколько десятков человек зябли и мокли в многочисленных заслонах, секретах, дозорах, а днем вынуждены были отправляться за десятки километров на заготовку продовольствия, ликвидацию предателей из числа деревенских старост, уклоняющейся от партизанства молодежи, приматов и окруженцев.

Придерживая на бегу винтовку, Макаревич поспешил в строй, который уже неровно вытянулся на мокрой с ночи полянке. В отряде он был еще новичок, воевал здесь первый месяц и далеко не каждого партизана знал в лицо, не то что по фамилии. Пока он бежал, перед строем появился командир, плотный, небольшого роста кавалерист, в сопровождении черноволосого адъютанта. Времени искать свое место в строю у Макаревича не было, и он приткнулся на левом фланге шеренги, когда уже

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
прозвучала команда "Смирно!". Скосив взгляд, увидел стоявшего рядом соседа -
рослого, худого парня, которого прежде вроде не встречал.

Командир вместе с адъютантом, за его смоляную, выпадавшую из-под фуражки
шевелюру прозванным Махно, прохаживался перед строем. Исподлобья всматриваясь в
молодые и не очень, сплошь исхудавшие, далеко не молодецкие лица партизан,
словно искал кого-то. Все молча и неподвижно замерли, не понимая, чего от них
хочет этот человек, во власти которого была жизнь и смерть каждого. Стоя в
отдалении, похоже, так же томились начальник штаба отряда молчаливый лейтенант
Куропаткин и еще кто-то незнакомый. Пройдя до конца шеренги и, как показалось
Макаревичу, зафиксировав на нем свой испытующий взгляд, командир вернулся на
середину поляны.

- Где дисциплина?
- грозно прорычал он.
- Где порядок? Где бдительность? Дисциплины нет! Порядка нет! Бдительности нет!
- объявил он крепким командирским голосом, заключив все не менее крепким матом.

В строю, наверно, как-то отреагировали на это становившееся уже привычным
выступление, может, заговорил кто-то, и командир продолжил с еще большим
азартом:

- А команда "вольно" была? Я спрашиваю: команда "вольно" была? Не было команды
"вольно". Так какого же хрена вы ерепенитесь?.. Смир-р-рно!
- закончил он совсем уж громовым криком, от которого, казалось, качнулись мокрые
верхушки сосен. Макаревич, похоже, тоже вздрогнул, а сосед тихо проговорил с
невозмутимой улыбкой:

- Ох, как грозно, как страшно!..

В его тоне слышалась явная насмешка, и Макаревич с тревогой подумал- хоть бы на
полянке не расслышали. Но нет, все-таки далековато. Тем более что командир с
упоеанием продолжал разнос:

- Я наведу порядок! Я заставлю выполнять приказы командования! Я заставлю
уважать дисциплину!..

- Какой як! Хоть поклажу кладу, - тихо бормотал сосед.

- Бдительность, бдительность и еще бдительность!

- раздавалось на осенней поляне.

- Понятно, аллюр три креста?

Похоже, наконец он угомонился; кавалерийская команда, произнесенная, видно, для
собственного успокоения, была первым того признаком.

Начальник штаба подал команду "вольно", и вся командирская группа направилась к
стоявшим невдалеке оседланным лошадям. Отряд в здешних лесах размещался
рассредоточенно, и командир с охраной разъезжал между подразделениями, появляясь
в них в самое неожиданное время.

Оставшись без командира, партизаны не спешили расходиться, командиры поменьше
принялись распределять людей по нарядам, некоторые курили или просто ждали.
Обычно после построения люди оживлялись, слышались смех и шутки; но сегодня было
не до шуток, после несправедливой взбучки мало кого тянуло на юмор. Сосед
Макаревича отошел к группе знакомых, о чем-то скупно переговаривался там.
Появился Махно, неопределенного возраста человек, перетянутый ремнями, с
немецким автоматом на плече.

- К командиру!

- кивнул он соседу, и тот, недоуменно пожав плечами, покорно пошел к
дождавшемуся возле лошадей командиру.

Макаревич проследил взглядом за ним, вперевалку шагавшим по мокрой хвое в
измятой красноармейской шинели, которая была ему до колена. Подойдя, тот, как и
полагалось, взмахнул рукой к облежавшей голову пилотке, и между ним и командиром
произошел не слышный издали разговор. Впрочем, разговор казался спокойным, без
крика, и это успокоило Макаревича, ожидавшего чего-то скверного.

В это время его окликнул взводный старшина Дмитренко, объявивший, что Макаревич
назначается в дозор со стороны деревни Вязовичи.

- А где это?

- спросил Макаревич, но и комвзвода не знал, прежде дозоры туда не назначались.

- Кто знает?

- спросил Дмитренко, но никто ему не ответил, похоже, никто не знал.

А если и знал, кому была охота тащиться невесть куда, может, черту в зубы. Но
тут подошел сосед по строю с явной озабоченностью на худом мальчишеском лице.

- Вон Довжик знает, - подсказал кто-то, и старшина обернулся к нему:

- Где Вязовичи, знаешь?

- Знаю, - уверенно ответил Довжик.

- Поидете в дозор. Командир приказал. Где мостик, знаешь?

Отправляться надлежало тотчас же.

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

- А сменяют когда?
- спросил Довжик, из вопроса которого Макаревич заключил, что напарник, пожалуй, опытнее его, - он же вот не догадался спросить о смене.
- Сменим, сменим, - неопределенно ответил Дмитренко, и они неспеша пошли по просеке.
- Ну и отрядик! Ну и командир!
- немного отойдя, проворчал Довжик.
- Макаревич и сам видел - в отряде со сменой командира становилось все хуже. Он так и сказал Довжику.
- Самодур и дурак, - подтвердил Довжик.
- Охломон горластый. Аллюр три креста...
- Чем-то, однако, командир его донял, подумал Макаревич и спросил, зачем тот его подзывал. Довжик озабоченно оглянулся на недалекую еще полянку.
- Понимаешь, сапоги ему мои не понравились. Говорит, вражеская форма. А я за эти сапоги едва пулю не схлопотал. Зато вот - ноги сухие.
- Макаревич бросил взгляд на сапоги напарника - они были явно не местной выделки, похоже, действительно, с немецкой ноги, хотя и не солдатские. Возможно, офицерские, подумал Макаревич.
- Я за ним километр по лесу гнался, он в меня из пистолета пулял, а я из карабина. Но влопыхах, знаешь... Только на мушку возьмешь, а он за куст скроется. Но все-таки словчился... Бежал, думал, у него в полевой сумке какие-то секреты, а там бритва да помазок. Зато сапоги теперь на всю зиму.
- Хорошие сапоги, - сказал Макаревич.
- Я - Довжик из Малых Довжиков, - сказал парень и улыбнулся, согнав с лица прежнюю озабоченность.
- А я из Полоцка - Макаревич.
- О, городской, значит!
- Городской...
- Макаревич не стал рассказывать, что в город он переехал незадолго перед войной, что до этого жил при станции, отец до ареста работал на железной дороге. Казенную квартиру после его ареста отобрали, и мать с тремя детьми перебралась в город к брату, в его узкую барачную каморку, где и без них было трое. Когда стали набирать в ФЗО, Макаревич пошел учиться на каменщика и переселился в общежитие. На одного человека семья сократилась, в бараке стало чуть свободнее.
- Из дальнейшего разговора выяснилось, что Довжик старше Макаревича на год и перед войной окончил десятилетку. Следующий момент биографии был самый, может быть, важный - их партизанский стаж. И тут оказалось, что Довжик партизанит почти полгода, все в этом же отряде, что он тут знает всех, помнит всех командиров.
- Знаешь, прежний командир был не такой. Молчун был. Для него главное было - разведка. Каждую ночь гонял мелкие группы на разведку. Но зато и знал, что вокруг. Где сколько полицейских, кто старосты. И постепенно отстреливал всех. Всех предателей и прислужников. Теперь попробуй найди кого. Остатки в райцентре смылись. Ребята пойдут на заготовку продуктов - не у кого взять. Приходится рядовых колхозников трясти. Жрать же надо.
- И сам погиб. А говоришь, всех отстреляли, - сказал Макаревич, вспомнив довольно нелепую гибель прежнего командира.
- Но это случайно. Случай, его никакой черт не предусмотрит...
- Тихо беседуя, они шли просекой, потом свернули под сосны. Сырой мох под ногами делал их шаги неслышными. Но бор скоро кончился, начался березняк, заросли лещины с поредевшей листвой. Продравшись через чащобу ольшаника, они оказались перед широким полем. Вдали виднелись крыши и трубы какой-то деревни - наверно, это и были Вязовичи. Вдоль опушки тянулся грязный проселок с мостиком, под которым в обросших жухлой осокой берегах поблескивала сонная речушка. Тут и должен был располагаться дозор. От их основного лагеря было километра два или, может, чуть больше.
- Они взобрались на пригорок, поросший мелкими сосенками.
- Садитесь, товарищ Довжик из Малых Довжиков, - шутливо скомандовал себе парень.
- А знаешь, хорошо, что в дозор, - сказал он, с наслаждением развалился на сухой траве.
- От этого дурака подальше.
- Потом, перевернувшись, осмотрел поле с дальней деревней. Отсюда было далеко видно, но ничего подозрительного нигде не просматривалось. Дорога также лежала пустая, чернея колдобинами, местами то приближаясь к опушке, то отдаляясь от нее в поле. Пасмурное с утра небо вроде слегка прояснилось, хотя солнце не показывалось, с поля дул несильный, но холодноватый ветер. Плотнее запахнув свою кургузую шинельку, Довжик вынул из-за пазухи книжку.

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

- Что смотреть! Пока есть время, надо почитать.
- И он углубился в книгу.

Макаревич, однако, продолжал наблюдать. Он не в первый раз был в дозоре и знал, как важно не прозевать опасность, вовремя предупредить о ней своих. Конечно, беда может нагрянуть, а может и нет, тут как повезет. Но и на авось полагаться не следует. Вон Скакун понадеялся - оставил второго наблюдать, а сам отправился на хутор за жратвой и - попался. Пока были патроны, отстреливался, а потом зажег хату и пытался прорваться. Но днем разве прорвешься? Так и погиб, погубив второго партизана и хуторскую семью с ребятами. А хороший был партизан, награжденный...

Однако все время сидеть на месте было холодно и скучно; поглядывая в поле, Макаревич вертелся на пригорке - то сидел, то ложился на бок. Напарник же весь ушел в чтение, вроде забыв, где он находится и зачем сюда послан. Длинные ноги он беспечно раскинул на траве, и Макаревич с легкой завистью рассматривал его сапоги. Они действительно были добротные - из твердой юфтевой кожи, на толстой подошве, с голенищами в форме бутылок - как раз по голени. Под коленями были пришиты коротенькие ремешки с пряжками, - наверно, чтобы, застегнув, не потерять при езде верхом, подумал Макаревич, с презрением взглянув на свои разбитые бахилы. Тут же лежала винтовка Довжика - обычный немецкий карабин с загнутой рукояткой и какими-то зарубками на ложе. Макаревич сосчитал зарубки, их было семь, но чей это был счет - не понять. На длинной винтовке Макаревича никаких меток-зарубок не было. Полой своей фезеюшной куртки он вытер ржавый затвор, из прицельной колодки выдул набившийся туда сор. Он тоже хотел достать себе такой вот карабин, но недавно погибший политрук Лучинин не раз посрамлял тех партизан, кто был охоч до немецких трофеев и немецкого оружия. На политинформациях он горячо доказывал преимущества нашей винтовки - и безотказная, и зимой не подводит, и в рукопашной с ней лучше - дальше штыком достает. Может, и так, думал Макаревич, но почему тогда у командиров немецкие автоматы и пистолеты тоже. Особенно ему нравились парабеллумы с тонким стволом и удобной рукояткой.

- Винтовку где достал? В отряде?

- спросил он Довжика.

- В отряде, где же еще?

- ответил Довжик, поворачиваясь на бок.

- С оружием у нас, знаешь, проблема. Людей много, оружия не хватает. Сперва у полицаев отбирали, но полицаев в округе перестреляли - где возьмешь? Немцев нет, по дорогам никто не ездит. Весной пятнадцать человек послали за линию фронта - за оружием.

- Принесли?

- Черта с два. Пошли и пропали. Может, не дошли, а может, на обратном пути застряли. Так и не узнали. А эту я заслужил. За переводчицу.

- За переводчицу?

- Ну. То есть она с весны стала переводчицей, а до того в школе работала. Учительницей. Римма Арнольдовна. Немецкий у нас преподавала. Знаешь, молодая, симпатичная такая. Мы ее даже любили. Кто же думал, что война начнется и она к немцам переметнется.

- К немцам?

- Ну, не к немцам, там, в ихней управе, будет переводить.

Довжик замолчал, закрыл книжку. Видно, теряя интерес к чтению, снял с головы старую пилотку без звездочки, пятерней пригладил отросшие вихры.

- Может, и плохо я сделал, а может, и нет. Все-таки переводчицей она была? Была. А с другой стороны, и учительницей была. Проблема, конечно. И не застрелить было нельзя. Приказ ведь.

- Это где, здесь? В своей деревне?

- спросил Макаревич, вглядываясь в поле. Довжик ответил не сразу, после паузы, будто вспоминая что-то.

- Не здесь, в местечке. Отряд же тогда базировался по ту сторону, за железкой, в Волчанском лесу. Пришли мы с Колькой Терехом в этот отряд... Почему в этот? Какой подвернулся, в тот и пришли. Задержал такой вот дозор, привели к командиру. Кто такие? Хотим в партизаны. А где оружие? Оружия нет. У нас для вас тоже нет, добывайте сами. Как добыть? Убейте немца и возьмите оружие. А как его убить, если сами без оружия? А это уже как хотите. Не можете убить, задушите. Оглушите, утопите. В общем, два часа вам сроку на размышление. Сидим под сосной, размышляем. Становится ясно, что без оружия мы им не нужны, но нас они не отпустят, потому что мы их рассекретили. Но что же нам делать? И тут снова зовет командир. Вы откуда, спрашивает. Ну, с Малых Довжиков. В школу в местечко ходили? В местечко. Учительницу Петрокевич знаете? Знаем, немецкий у нас вела. А теперь, знаете, кто она? Нет, не знаем. Немецкая переводчица, вот кто. Пойдете с

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Лизюковым и ликвидируете ее. Тогда получите оружие. Черт возьми! Вот это задание! Да еще безоружным. А Лизюков этот – двухметровый громила со сросшимися на переносье бровями. Из окруженцев или примачков, тоже почти новичок в отряде. Потом уже я понял, что вообще дело было не в оружии – они нас проверяли. Ну, пошли мы в местечко. Вроде как под конвоем Лизюкова. Правда, он дороги не знает, все-таки мы ведем. Оно недалеко, а всю ночь шли. Хотя ночи короткие были, как раз на Ивана Купалу. Чудно – идут ученики свою учительницу казнить. Я-то у нее недолго учился – два года, а Коля четыре – с пятого по девятый. Скверно все, но я себя уговариваю: правильно! Переводчица – значит, предательница. Зачем пошла к немцам? А раз предаешь получаешь пулю. И все-таки страшно... Первый враг – и такой странный, учительница. А что делать? Не можем же мы отказаться. Убежать, может, и смогли бы, но как же тогда партизаны? Перед рассветом подошли к местечку, перелезли через речку. Идем по скошенной траве, туман легкий стелется. Знаешь, тут совсем стало мне страшно. Я себя выругал: трус! Если струсишь, тебе не жить. Понял? Кое-как взбодрился, вроде подействовало. Подошли с огородов, перелезли через одну изгородь, через другую. Ориентир – журавль над колодцем. Уже рассвело, не совсем, правда. Боимся, хоть бы на собаку не налезть. И как раз налезли. Малая, а брехучая, так залилась. Но и нужный нам двор – вот он. А как войти? На собачий лай, вижу, в окошке старуха из-за занавески выглядывает. Подхожу к окну, Колька с Лизюковым по обе стороны стали. Говорю старухе: Римма Арнольдовна дома? Это ее ученик, Довжик Володя. Старуха скрылась, через некоторое время занавеска опять отодвигается – учительница. Здравствуйте, Римма Арнольдовна, говорю. А это уже сигнал Лизюкову. Тот из винтовки – трах! – стекла посыпались, крики в хате. Ну, а мы – дай бог ноги... Только в лесу остановились. В тот же день к вечеру получил винтовку. Вот эту, немецкую.

- Лизюкова?

- удивленно спросил Макаревич.

- Ну. Командир вручил. А Лизюкову автомат дали.

- А что – Лизюкова тоже проверяли?

- спросил Макаревич.

- Кто знает? Вполне возможно.

Макаревич молчал. Он не знал, как отнестись к услышанному. Все-таки, наверно, надобны крепкие нервы, чтобы убить учительницу, хоть и немецкую прислужницу. Видно, Довжик, думая о том же, сказал:

- А вообще-то паскудное дело.

- Наверно, паскудное, – согласился Макаревич.

- Особенно если учительница была хорошая. А друг твой как?

- С другом скверно вышло. Друг Колька сбежал.

- Дезертировал?

- удивился Макаревич.

- Ну. Струсил, наверно. Еще придется искать. Хорошо, если дома появится. А если полиция приберет?

Они замолчали. Обоим стало почему-то неловко, особенно Макаревичу. Довжик снова погрузился в чтение или, скорее, делал вид, что читает. Макаревич уже не хотел смотреть на его немецкую винтовку с зарубками. Дождавшись, когда напарник перелистнет страницу, спросил:

- А что ты читаешь?

- Интересная книжка, жаль, раньше не читал. "Амок" Янки Мавра, – сказал Довжик со светлой, почти детской улыбкой.

- Знаешь, была у меня в школе мечта: стать моряком и проплыть по морям вокруг света. Интересно было бы. Как думаешь?

- Наверно, интересно.

- Черта с два проплывешь. Война! Теперь бы хоть почитать о дальних странах. Да ты не очень пялься туда, – ни черта там нет. Эта деревня пустая. Полиция в Гребенюках, за двенадцать километров. А командир этот наш – бздун, говорил Довжик, растянувшись на траве. Потом повернулся на живот и, поглядев в поле, добавил: – Там вон моя деревня.

- Где?

- А вот за Вязовичами будет поворот на озеро, а потом надо проехать леском – и Малые Довжики. А я Довжик из Малых Довжиков, – закончил он, видно, излюбленным своим присловьем. Наверно, почувствовав некоторое недоумение напарника, пояснил: – Это мой дед так рекомендовался. Поехал в Питер, ни документов, ни знакомых. Обращаясь к городовому или там к дворнику, перво-наперво говорил: "Я – Довжик из Малых Довжиков", – и очень удивлялся, что те не понимали. Потом дома шутил: "Что за темный народ! Где Довжики, не знают. У нас любого мальчика спроси: где Довжики? Скажет: там Довжики, где Довжики живут". У нас же все Довжики.

- Хорошая фамилия, значит.

- Древняя фамилия, нигде больше такой не встречал. Хотя где я мог ее встретить?

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

- и вдруг спросил: - Как думаешь, когда война кончится?
- Война? Не знаю. Может, через год. Когда второй фронт откроют.
- Долго ждать. Можно не дожидаться. Знаешь, а мою сестренку в Германию увезли...

- Сестренку?
- Ну.
- Плохо.
- Хуже некуда. Может, уже и в живых нету. А у тебя сестра есть?
- У меня два брата, - сказал Макаревич.
- Младшие, старшие?
- Пацаны еще.
- Пацаны что... Пацанам лучше. Подрастут, достанут винтовки и - в лес. А вот девочкам!.. Моя сестричка славная такая была. А я ее обижал...
- Обижал?
- Глупый был. Драчун. Хочешь почитать?
- протянул он книгу.
- А я помечтаю...

Макаревич взял из его рук потертую, обернутую в старую газету книгу, полистал, посмотрел рисунки. Рисунки были интересные - море, пальмы и хижины, чернокожие люди с кривыми ножами, - наверно, тоже война. Войну он не любил ни воевать, ни читать про нее. Больше нравились ему животные. Когда жили на станции, у них была корова с телкой, которую он пас летом в кустарниках, рядом всегда бегал жулик, низенький, коротколапый, преданный песик, понимавший каждое его слово. Ребят на станции было мало, и он все годы до переезда в город дружил со своим песиком. Жулика в город взять не разрешили, пришлось оставить соседям. Но тот однажды прибежал за десять километров, укусил хозяина, и дядя приказал его утопить, потому что кормить было нечем. Как топили его, Макаревичу не хотелось даже и вспоминать. Сердце обливалось кровью, как говорила мама.

Когда Макаревич поднял голову от книжки, напарник, похоже, спал. Согнулся на боку, засунул в рукава сцепленные руки, втянул голову в плечи. К вечеру стало холоднее, дождя не было, но усилился ветер с поля. Хотелось есть, и Макаревич пожалел, что не добился от взводного ответа, когда же их сменят. Но все-таки, думал он, к вечеру должны сменить. И они пойдут в свои шалаши, ближе к кухне, и, наверно, поедят чего-то. Главное - чтоб горячего. Хоть супа, хоть каши или даже горячего чаю, конечно, без сахара, но непременно горячего, а не едва теплого, как обычно. От стужи все постепенно дубенело внутри, холодом набрякли и сделались неуклюжими руки, хотелось сжаться и уснуть. Чего как раз и нельзя было позволить себе.

Чтобы не уснуть, Макаревич принялся греться - прыгать, бежать на месте, размахивать руками. С дороги и поля их здесь не было видно, скрывал соснячок; он же время от времени продолжал поглядывать туда. Довжик, казалось, спал, но вот он приоткрыл глаза, увидел напарника и, вроде слегка улыбку, снова закрыл их. Нет, он тоже не спал, просто лежал, успокоясь, и думал. О чем только? Вряд ли о дальних заморских странах и уж не о том, конечно, что скоро для него все это кончится самым неожиданным образом, что часы его сочтены. И этот холодный ветреный день в дозоре окажется самым спокойным днем его лесной жизни...

Так и не победив стужу, Макаревич притомился и решил отдохнуть. Напоследок бросил взгляд вниз и неожиданно увидел на дороге двоих. Он сразу узнал их один был пославший их сюда взводный Дмитренко, а другой... Ну конечно, с ним рядом по дороге шагал Махно, тут не было никакого сомнения.

- Довжик... Довжик!
- тихо позвал Макаревич.

Довжик враз подхватился с земли, привстал на коленях - те двое с дороги, задрав головы, уже высматривали их на пригорке. "Наконец смена", - обрадованно подумал Макаревич, хотя что-то мешало его радости. Зачем здесь Махно? Да и кем же они сменят их - больше там никого не было видно. Однако он поднялся из-за сосенок, взмахнул рукой - мол, тут мы.

Двое скоро взобрались на крутоватый пригорок, оглянулись на поле.

- Ну как тут у вас?
- спросил всегда обстоятельный взводный.
- Все тихо?
- Все в порядке, - сказал Макаревич.
- Это хорошо, что в порядке, - словно сквозь зубы процедил обычно молчаливый Махно.
- Значит, продолжай наблюдать.
- А смена? Мы же с утра тут.
- Смена будет. Попозже, - сказал взводный и обернулся к Довжику.
- А мы пойдем.

- Куда?

- На кудыкину гору, - беззлобно ответил Махно.

- Куда приказано, - уточнил взводный.

Довжик, как и утром, недоуменно передернул плечами, и они втроем, друг за другом, побежали с пригорка к дороге.

- А книга, книга!

- крикнул вдогонку Макаревич, подхватив с травы забытую книжку. Довжик снизу только махнул рукой, торопясь за командирами. Скоро все трое скрылись за придорожным кустарником.

Макаревич остался один. Тоскливым взглядом окинул постылое поле, над которым уже стали сгущаться ранние осенние сумерки. Деревню вдаль уже и не рассмотреть было - дома, крыши, верхушки деревьев тонули в сизой туманной наволочи. Дорога возле моста еще тускло мерцала. Все более мрачно-загадочным становился рядом сосняк, быстро терявший зеленые краски дня. Макаревичу стало не по себе, все-таки одному в дозоре находиться не следовало, было страшновато. Все время думалось - и когда же они пришлют смену? И почему не сменили днем? Куда повели Довжика?

На его вопросы ответить было некому, и Макаревич, чтобы не стыть на ветру, начал прохаживаться по пригорку, все более полагаясь на слух. Особенно, когда вовсе стемнело. Все-таки ночью главная нагрузка выпадала на слух, зрение ночью отдыхало. Оно свое отработало днем, ночью его услуги были бесполезны. А то и вредны. Все время что-то мерещилось на дороге, казалось, кто-то идет, вроде остановился, ждет. Какие-то темные тени движутся по полю. И даже кто-то шевелится за крайней сосенкой. Но все это лишь казалось, взвинтилось воображение. Макаревич эту особенность ночной психики хорошо изучил и знал: ничего там нет - ни теней, ни подозрительного шевеления. Хотя от осознания этого не становилось легче. Все равно было тревожно.

Он стоял, вглядывался, осторожно, почти бесшумно прохаживался на узком участке между сосенками и все слушал, слушал... Почему-то именно ночью откуда-то лезли подозрительные звуки - вроде где-то за лесом заработал движок автомобиля, но поработал немного и смолк. Затем донесся далекий, непонятный вскрик - птицы или человека. Или, может, команда. Вдруг далеко в лесу бухнуло два выстрела кряду. Он напряженно и долго ждал продолжения стрельбы, но продолжения не было, значит, это были случайные выстрелы. А может, все ему показалось?

К утру, измученный холодом и бессонной ночью, он стал думать: не забыли ли его тут? Или намеренно бросили с какой-то непонятной целью? Может, плюнуть на все и идти к своим? Но все-таки бросить пост он не решался. То, что за этим могло последовать, было пострашнее кажущихся опасностей. Это Макаревич знал по чужому опыту. Но и глупо было уподобляться собаке, оставшейся у костра караулить бурку пастуха, ушедшего куда-то с отарой. Пастух вернулся к кострищу только весной и нашел рядом с буркой скелет верной собаки. Все-таки он - не собака.

Когда стало светать, терпение его лопнуло. Будь что будет - он пойдет в лагерь. Потому что - почему не сменяют? Положено сменить - почему не выполнят? Или там что-то случилось? Или их подстрелили по дороге отсюда взводного и Махно? Но если остался хотя бы Довжик, разве он не напомним о своем забытом напарнике?

Злой и обиженный Макаревич появился возле шалашей, как раз когда партизаны собирались на завтрак. Партизан, правда, было немного, большинство пребывало в охранении. И тут Макаревич нос к носу столкнулся со взводным. Старшина Дмитренко, в одной гимнастерке, без ремня, только что умылся за шалашом и нес в руке пустой котелок.

- Что ж не сменили?

- чужим от обиды голосом спросил Макаревич.

Взводный как будто искренне удивился.

- Да? Не сменили? Я же сказал... Сказал Довжику - снять дозор. Там не нужен больше. Где Довжик? Довжика ко мне!

Что-то, однако, фальшивое слышалось в голосе взводного, в его непривычной, почти виноватой интонации. И Макаревич не мог поверить, что Довжик забыл передать приказ о снятии дозора. Но где Довжик?

- Где Довжик? Позовите Довжика...

Взводный и еще шумел в шалаше и за шалашами, посылал кого-то на розыски Довжика. Но Довжика нигде не было, и никто не видел его. Макаревичу сделалось совсем тревожно, его ночные переживания враз отлетели перед мрачным предчувствием.

До конца завтрака Довжик не появился.

Макаревич опять позже всех получил свои полкотелка холодной перловки, и тут объявили построение. Он думал, что уж на построении Довжик должен появиться. Но тот не появился и на построении. Как и в прошлый раз, Макаревич намеренно встал

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

на самом фланге недлинной шеренги. Команды пока не подавали. Впереди на поляне совещался с несколькими командирами их взводный – что-то там обсуждали.

Но вот поодаль, между редких сосен, появился командир. Как всегда, со своим темнолицым Махно и двумя ординарцами подъехал верхом. Ротный, бывший сельский учитель, глуховатым, далеко не командирским голосом подал команду, строй не сразу, но все же заметно присмирел, подравниваясь в шеренгу. Как раз перед левым флангом, где стоял Макаревич, командир остановил лошадь и в два приема спешился. Это у него получалось всякий раз отработанно и ловко, недаром до войны он служил в кавалерии, и "аллюр три креста" было его любимым присловьем, особенно когда он находился "под мухой", что было, в общем, всегда. Освободив из стремени правую ногу, он одним махом перекидывал ее через конский круп и легко высвобождал левую. Именно в такой момент Макаревич внутренне ахнул – из-под длинной полы командирской шинели мелькнуло знакомое, матово начищенное голенище с ремешком-застежкой под коленом. Макаревича вдруг осенила мысль-догадка, от которой готов был померкнуть свет.

Довжик так больше и не появился, и в отряде его скоро забыли. Забыть было просто – отряд сменил место базирования, и начались стычки с полицией. Людей становилось все меньше. Особенно когда началась блокада. Лихой кавалерийский командир героически погиб во время прорыва возле болотистого озера; куда исчез его адъютант Махно, никто толком не знал. Взводный Дмитренко раненым попал в плен к карателям из батальона СС, его судьба была и вовсе незавидной. Книгу "Амок" Макаревич какое-то время носил в боковом кармане своей фезеюшной куртки. Потом она пошла по рукам и в конце концов была израсходована на сигарки.

Макаревич сидел на автобусной остановке и не знал, что делать. В подошедший автобус битком набилось народу, но люди все продолжали лезть в его накренившийся, осевший до асфальта кузов. Макаревич давно не помнил себя в такой растерянности. Вернуться или уехать?

– вот что решал он и не мог решить. Он лишь коснулся старой, давно затянувшейся раны, и вот она снова угрожала открыться. А если он откроет ее для других?

И все-таки он решился. Почему – не знал сам. Толком ничего не обдумав, поднялся со скамейки и пошел обратно к кладбищенскому пригорку. По дороге решил: сперва он задаст только один вопрос и в зависимости от ответа решит, сказать или нет.

Издали стало видно, что бабуля с девочкой все возились со своей рассадой, но теперь там появился и кто-то еще. Высокий мужчина в шляпе. Да это же встреченный им инвалид...

Когда он подошел к знакомой металлической оградке, все сразу и вроде бы в нехорошем предчувствии усталились на него. В бабусином взгляде сквозила тревога, почти испуг. Он извинился.

– Ответьте мне, пожалуйста, – я забыл спросить. В войну вы были в Германии?

Наступила недоуменная пауза, после которой бабуся, словно очнувшись от минутной забывчивости, воскликнула:

– Ой! Я так и знала! Я так и почувствовала – вы же знали его. Вы с ним в партизанах были, правда?

– Правда, – сказал он.

– Вот, решил рассказать... А вы кто?

– обратился он к инвалиду в шляпе, высокому, худому человеку с ввалившимися щеками.

– Я ее муж, – сказал мужчина, – я в курсе.

– Так... С чего же тут начать? В общем, осенью сорок третьего мы встретились на построении...

Он начал рассказывать – сбивчиво, не все вспоминая сразу, то и дело умолкая. Далеко не все из полузабытого прошлого легко ложилось на язык современного человека, отделенного от этого прошлого полсотней лет. Да и в душе не все было преодолено до конца – сопротивлялась правда, которой хотелось выглядеть покрасивее. Труден и порой малоубедителен был его рассказ, и он чувствовал это. Знал: так бывает еще, если слушающие не расположены к рассказчику или среди них находится духовный вампир, "пожиратель мысли", как он таких называл. И тем не менее Макаревич рассказал все, добавив, что потом, после боев и майского разгрома сорок четвертого года, от отрядов бригады остались жалкие ошметки, уцелевшие партизаны разбежались по окрестностям. Многие командиры погибли, на верное, пропали и документы. Особенно те из них, которые свидетельствовали о причине разгрома. После войны этот разгром поименовали "прорывом" и увековечили грандиозным победным памятником на поле, некогда заваленном трупами партизан.

Когда он кончил рассказывать, бабуся молча заплакала. Ее никто не утешал, лишь девочка, потупясь, терлась об ее колени. Поодаль, возле какой-то могилы, явно прислушиваясь к их разговору, молча стояли две женщины. И вдруг инвалид, муж бабуся, обернулся к нему и жестко заговорил с неприкрытой злостью:

– Зачем вы все это рассказываете? Кто вас просил? Мало нам было горя от

Довжик. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
неизвестности, так вот утешили, называется! На кой черт нам такая правда?!

Ограды, памятники, обелиски – все поплыло перед глазами Макаревича. Ну, натворил!

– была первая мысль. Зачем было рассказывать, кто его просил об этом? Сердце сдавила знакомая тупая боль, гляди, как бы снова не хватил инфаркт. Он поднялся со скамейки, а инвалид кричал:

– Я пятьдесят лет в партии, потерял здоровье за советскую власть! Я верил... И я хочу верить, а вы... Откуда вы взяли на нашу голову? Вот, видите!..

Он видел: бабушке становилось плохо, ее грузное тело завалилось на бок, девочка стала испуганно тормозить ее, а инвалид бросился к сумкам, дрожащими руками искал в пакетах лекарства.

Макаревич с усилием оторвал от ограды набрякшие руки и с гадким чувством виноватости побрел прочь. Прожил семь с лишком десятков лет, а, видно, мало что понял и мало чему научился...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!